

БИБЛИОТЕКА АЛЬМАНАХА
«СЛОВЕСНОСТЬ»

Книжная серия
«Визитная карточка литератора»

ВЛАДИМИР ДЕЛБА

**ТЕТРИС: СИНТЕЗИЯ В СТИЛЕ
СТАКАТТО-ДЖАЗ**

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
МОСКВА

Вест-Консалтинг
2014

ДЕЛБА В. М.

Тетрис: синестезия в стиле

стакатто-джаз

М.: Вест-Консалтинг, 2014. – 72 с.

ISBN 5-86676-088-6

*В оформлении обложки использована
картина Дианы Воуба «Тетрис. Камертон»*

Заказное издание

Книга выпущена в авторской редакции

© Делба В. М., текст, 2014

© Шелов С. Д., предисловие, 2014

© Союз литераторов России, идея издания, 2014

© Вест-Консалтинг, издание, 2014

© Воуба А. В., оригинал-макет, вёрстка, 2014

«Визитная карточка» литератора Владимира Делба необычна во многих отношениях. И прежде всего – своей разножанровостью и стилистическим разнообразием: здесь и поэзия, и проза; молодежный жаргон и «вкусный» литературный язык; публицистические эссе и диалоги, и даже вплетенные в собственное повествование, на уровне соощущений, – тексты и картины других авторов. При этом в рискованном объединении нет ни тени эклектики, – все пронизывает личность автора и единство восприятия времени и места.

Звук, цвет, слово – потому и «синестезия» в эмоционально агрессивном заглавии. Здесь одно резонансом вызывает ощущение другого. Джаз – как ритм существования, живопись – как образ уникального момента, литература – как радость понимания себя, других, мира. Каждое в отдельности и все вместе – это внутренняя свобода писателя, то, чем он щедро делится с читателем собеседником. Через годы проносит он точность и свежесть «сейчас и здесь» восприятия любого из них, оставляя чувство чистоты и благодарности Жизни.

Автору не нужно быть ни более, ни менее национальным, ни более, ни менее надциональным, чем он есть. Он человек, чья первая молодость пришла на 60-е – 70-е годы XX века в СССР, чье, как писали в анкетах, «социальное положение» – из служащих, чья национальность – абхазец.

Только кавказец может словами нарисовать:

*Над ущельем туман. Осень, красный закат
Цветом спорит со спелой хурмой.
Вдаль уходит холмов темно-синий каскад,
С мандариново-желтой каймой.*

Только советский интеллигент (одно исчезло, другое исчезает!), и только 60-х-70-х гг. XX века, может написать ныне вполне привычное:

«Несмотря на репрессии против отдельных известных литераторов, музыкантов и ученых, власть все-таки побаивалась идти на открытую конфронтацию со всей интеллектуальной элитой страны. Поэтому научные институты и были теми небольшими островками относительного свободолюбия, и хоть минимального, порой не бросающегося в глаза, сопротивления системе».

Но грустить о времени не надо. Надо жить и читать. Вечность имеет вкус эпохи и места, что в ней останется - не нам судить... Искренне желаю читателю интересного путешествия в мир Владимира Делбы, а по прочтении - ощутить признательность автору за чистоту и радость проживания Музыки, Картины, Слова.

Доктор филологических наук
С. Д. Шелов.

«РЕДУТА», 68

Безумный майский вечер «Пражской весны» 1968 года продолжал приносить все новые и новые сюрпризы.

Дальнейшие действия развивались в совершенно других декорациях. В современном интерьере джазового клуба «РЕДУТА», куда Владя привел Андрея.

Небольшое, даже тесное, прокуренное помещение с черными стенами и потолком, освещенное местами точечным светом небольших софитов. Маленькая площадка с пианино, ударной установкой «Премьер» и контрабасом, прислоненным к стене. Крохотный бар и несколько квадратных столиков. На стенах большие черно-белые фотографии джазменов, большей частью мировых звезд. Но были фото и с незнакомыми лицами.

- Это наши, чешские музыканты. - Подсказал Владя, перехватив взгляд Андрея.

Зал был заполнен шумными молодыми, в основном, людьми. В клубе, как и на Пражских улицах, царил дух свободного и радостного общения.

Владю здесь знали все. Тут же нашлись два удобных места. Владя представил друзьям своего гостя и Андрей тут же стал центром притяжения маленькой уютной вселенной, пропитанной ароматным табачным дымом и ожиданием встречи с Великой музыкой.

Кто-то принес из бара выпивку, желтоватую жидкость в крохотных стаканчиках.

- Это чешский ликер «Бехер», нравится?

- Нравится! - Кивнул головой Андрей. На самом деле он был не в восторге от сладкой жидкости, настоящей, как аптечная микстура, на каких-то пахучих травах.

Принесли большую бутыль и поставили в центр стола. Владя выудил из пакета и выставил свою «Столичную». Пить пришлось «по западному», не закусывая.

Андрея же со всех сторон засыпали вопросами.

Откуда родом? На кого учится? Понравилась ли Прага? Откуда, живя в закрытой стране, знает джаз?

Многие говорили по русски, немного помогал разговору скромный английский Андрея, ну и, конечно, переводил Владя.

Андрей терпеливо и подробно отвечал.

Аплодисменты вызвали его слова о Праге. Нет, Прага ему не понравилась. Ибо, если он ответит утвердительно, уйти потом от слова - «понравилась» - будет сложно. А это совсем не то слово, которое может соответствовать эмоциям.

Ввела в состояние шока, проросла незнакомой, удивительной, нереальной своей красотой в душу и плоть, пропитала насквозь Энергией Свободы, Любви и Восхищения. И это только часть эмоций. Говорить о Праге с восторгом можно бесконечно!

- Абхазия, где это? Это где Грузия? Знаю, знаю, у меня туда ездил сосед. Так вот, он слышал, как на Тбилисском вокзале объявляли об отправлении поезда Грузия - Советский Союз! - С радость рассказывал один из присутствующих.

На самом деле, эта байка давно гуляла по просторам огромной страны Советов, не имея в основе своей реального факта. Андрей слышал ее в Москве.

Алкоголь понемногу стирал остатки условностей в общении с незнакомыми людьми, повышая актуальность и «градус» обсуждаемых тем.

Андрея прямо спросили, что он думает о процессе Синявского и Даниэля. И нет ли опасности, что Кремль пришлет в Прагу танки.

У КГБ могли быть (и наверняка были) «уши» в Праге, но не отвечать было нельзя.

Конечно, судилища над диссидентами означали только одно - власть «закручивает гайки». Насчет танков Андрей искренне сомневался. Вмешаться могут и, скорее всего, попытаются, но до применения силы вряд ли дойдет. Все-таки сейчас не 1956 год и Чехословакия - не Венгрия. Тем более, что в «напутствующем» разговоре в областном комитете комсомола членам делегации объяснили, что в Чехословакии «идет процесс восстановления Ленинских норм социалистической демократии».

- Дай же Бог! Но, реально, социализм нухт гут. - Произнес юноша, сидевший напротив, переходя в конце фразы почему-то на немецкий. - Закончим с политикой, пришел Ян.

- Ян, Ян пришел! - Всплеск восторга. И гул в зале стал заметно стихать.

Андрей поднял голову.

К их столу, смущенно улыбаясь, неловко задевая стулья, как-то «бочком» протискивался угловатый, очень худой большелобый юноша, затянутый в тесный темный пиджак.

Андрея представили. Ян робко протянул правую руку. Левой же попытался убрать со лба непослушный чуб, упрямо ниспадающий почти до глаз.

Андрей пожал протянутую руку.

Ян снова смущенно улыбнулся, запустил руку во внутренний карман пиджака и, приложив определенные усилия, извлек и вручил Андрею мятую визитную карточку.

На карточке было написано «JAN HAMMER JUNIOR». И номер телефона.

Андрею знаками пришлось выразить сожаление, что у него нет при себе визиток

(Интересно, откуда могли взяться визитные карточки у советского студента)?

Ян опять улыбнулся.

- Sorry, (Простите) - на английском произнес он.

- I must go. What kind of jazz do you like? (Я должен идти. Какой джазовый стиль Вам нравится).

Вопрос не застал Андрея врасплох. Здесь, в джазовом клубе, подобный вопрос как раз был очень уместен.

- Not experimental kind. Swing, blues or maybe stakatto jazz. (Не экспериментальный. Свинг, блюз или «стакатто»). - Ответил Андрей.

- Sorry, but my English is terrible. (Извините за ужасный мой английский). - Добавил он на всякий случай.

- All is right, I think. Sorry. (Простите, я думаю, с ним все в порядке). - Успокоил Ян, продолжая улыбаться.

Кто-то потянул Андрея за рукав. Парень, сидевший в углу, протягивал стаканчик с «Бехеровкой».

- На здоровье, а как тебе наши пражские девушки? - С трудом выговаривая русские слова, поинтересовался он.

- О, готов говорить о них стихами! - Восторженно, искренне произнес Андрей. Он и вправду был в восторге. Действительно, в первый свой день в удивительном городе он отметил про себя, что именно девушки, нарядно одетые, светящиеся улыбками, все,

без исключения, были большими, чем мужчины, Проводниками той самой Энергии Радости и Свободы. Энергии Весны!

И пока он пытался придать своим радостным мыслям доступную для понимания окружающих форму устной речи, уши уловили характерные звуки.

«Тарелка об тарелку». Кто-то пытался «разогреть» ударную установку.

И не успел Андрей повернуться лицом в сторону музыкантов, как в притихшем зале зазвучали фортепианные аккорды.

За инструментом сидел Ян. Рядом, освещенный софитом, был хорошо виден контрабасист. Темноволосый, постарше Яна, лет тридцати на вид, одетый, как и Ян, в темный пиджак. Под ярким светом особенно бросалась в глаза широкая улыбка музыканта.

Человек за ударными Андрею виден не был. Мешали сидящие впереди, к тому же сама установка оказалась в тени.

Андрей любил джаз и достаточно неплохо знал его историю.

Джаз был, по сути дела, изгоем в СССР. Прекрасные музыканты и джазовые коллективы творили в Москве, Ленинграде, Прибалтике. Джаз был популярен и в Закавказье.

Но какой крови стоило выживание в затхлой атмосфере безраздельного господства так называемой марксистко-ленинской идеологии?

Публичные выступления на площадках государственных концертных объединений были практически запрещены. За редким исключением.

Музыкантам с трудом приходилось добиваться возможности выступать в небольших провинциальных домах культуры или на «вечерах», в различных НИИ.

Как раз эти самые НИИ и спасали джаз, как музыкальный жанр, вернее, как явление, не давая властям права полностью его «задавить».

Несмотря на репрессии против отдельных известных литераторов, музыкантов и ученых, власть все – таки побаивалась идти на открытую конфронтацию со всей интеллектуальной элитой страны. Поэтому научные институты и были теми небольшими островками относительного свободолюбия, и хоть минимального, порой не бросающегося в глаза, сопротивления системе.

Отчим Андрея, физик, доктор наук, работал в Курчатовском институте. К тому же он был председателем профсоюзного комитета.

Так что Андрей мог свободно посещать все «культурные мероприятия», проводимые профкомом или комитетом комсомола в Доме культуры института. А порой даже участвовать в послеконцертных фуршетах, для узкого круга.

Иногда удавалось попасть на джазовые вечера в кафе «МОЛОДЕЖНОЕ», или как говорили просто, в КМ.

Он слушал «вживую» многих выдающихся джазменов. И не только джазменов. С некоторыми артистами был знаком лично.

Он знал Владимира Высоцкого, Михаила Жванецкого, Алексея Козлова, Валерия Буланова, Николая Громина, Александра Гореткина.

Джазом он «заболел» в юности. Было это на юге, в Абхазии, в городе, носившем тогда название - Сухуми. Удивительный город, чистый, уютный, интернациональный и очень спокойный. Населенный представителями огромного количества разных национальностей и различных религий, толерантный и доброжелательный.

Языком общения был русский. Подпитываемый любовью к литературе, сохранял он удивительную свою чистоту и правильность, почерпнутую, в том числе и из книг. Этого не мог нарушить даже специфический акцент некоторых местных жителей. Кстати, подобное отношение к русскому языку было характерно и для других интернациональных городов Закавказья.

Тогда, в начале шестидесятых джаз уверенно завоевывал интеллектуальное пространство города. Среди музыкантов, и не только музыкантов, появились любители, ценители, популяризаторы джаза. Иногда удавалось организовывать джем-сейшены, неофициальные джазовые концерты для узкого круга.

Шел активный обмен грампластинками и магнитофонными кассетами.

Очень выручал эфир. Власти активно глушили западные «вражеские голоса», вещающие на СССР, на русском и других языках народонаселения огромной страны. Но там - политика. Глушить музыкальные радиопрограммы нецелесообразно. А может просто не хватало сил.

Бейрут, Анкара, Тель-Авив. Радиостанции транслировали, в режиме приемлемой слышимости, современную эстрадную

музыку и джаз.

Хуже обстояло дело, так сказать, с теорией. Почти не было информации об истории джаза, исполнителях, стилях и направлениях. Даже фотопортреты джазменов - большая проблема. Книги о джазе не издавались, редкие статьи в СМИ, если и появлялись, то носили ругательный характер.

В Москве Андрея ожидала почти та же ситуация. Можно было достать записи джазовой музыки на магнитной ленте, купить, по случаю, задорого, виниловые диски. И иногда «гуляли по рукам» любителей джаза затертые, потрепанные экземпляры американского музыкального журнала «DOWNBEAT». Но это было крайне редко. К тому же возникали проблемы с качественным переводом.

Все это вспомнилось Андрею сейчас, в пражском джаз-клубе «РЕДУТА».

Ибо он хорошо знал мелодию, тему джазовой пьесы, которую играл Ян Хаммер.

Написал ее, еще в начале пятидесятых, великий пианист и композитор Эролл Гарнер. Это была баллада, Андрей мог ее напеть, но путал название. «MUSTY» или «DREAMY». Гарнер сам часто ее исполнял.

В трактовке Яна мелодия звучала совсем по другому. Это была другая музыкальная философия и иной стиль исполнения. Ян не пытался подражать агрессивной игре Гарнера, его «коркестровому» стилю с мощным превалированием левой руки. Легкость прикосновения к клавишам, интеллигентность звучания, сам рисунок музыкальных фраз скорее напоминали другого великого пианиста - Оскара Питерсона.

Даже на расстоянии ощущался симбиоз, слияние музыканта и инструмента. Это было единое целое, содружество равных, где один просто был более эмоционален в поведении, чем другой. Внешне.

Ян постоянно привставал со стула, что-то выкрикивал, подпевал себе, успевая иногда смахивать со лба непослушный чуб. Яркий свет софита высвечивал на его лице бусинки пота.

И еще. Эролл Гарнер безусловно являлся «узурпатором», диктатором, первым лицом в своем трио, где два других музыканта были подчинены его воле и лишены права на самостоятельное творчество.

Здесь, в «Редуте», сегодня, все было иначе.

Фортепиано, обозначив мелодию баллады, «ушло» в виртуозную импровизацию на фоне слаженной, безупречной поддержки ритмгруппы. Сложные, очень красивые, как бы отточенные музыкальные фразы сменяли друг друга, заполняя собой все пространство. Держа слушателей в состоянии ритмического напряжения. И одновременного ощущения некоей космической нирваны.

Отыграв свой квадрат, пианист передал тему «дальше». Теперь настала очередь солировать контрабасу.

И волшебство продолжилось! Начался удивительный разговор музыканта с инструментом. Нет, неверно. Никакого «инструмента» не было. Человек говорил с другим живым существом, мыслящим, обладавшим душой, тонкой, все понимающей и умевшей выражать свои чувства.

Контрабасист, закрыв глаза, наклонив голову, что-то шептал своему собрату, бережно перебирая руками струны. И струны контрабаса, откликаясь на ласку, плели удивительные кружева мелодии, то поднимаясь звонким голосом своим в высокие пределы регистра, то опускаясь вниз, до уровня глухого баритона. И тело контрабаса, его темно-коричневые лаковые деки, как будто разбуженные и восхищенные любовным диалогом, дрожали, резонируя и обогащая звучание струн.

Андрей почти физически ощущал растворение сущности своей, и тела и души, в звуках Великой этой Музыки!

Здесь, в тесном, прокуренном зале джаз-клуба «Редута», в центре города Праги, в начале месяца мая 1968 года, не было ни музыкантов, ни восторженных слушателей. Только ОНА, та самая Музыка, заполнившая собой все пространство, все кубические сантиметры зала, как бы проросшая в присутствующих, в свидетелей Чуда.

Заворожив своей магией всех без исключения.

- Этого не может быть! Я когда-то уже испытал это безумное чувство причастности к Великому Единению Свободы и Музыки! Музыки и Свободы!

Где я на самом деле? Кто я? Юный восторженный студент третьего курса, волею Небес заброшенный в Пражскую Весну шестьдесят восьмого, или убеленный сединами, немощный старик, доктор наук, ученый с мировым именем, путешествующий по своему прошлому?

- Не вмешивайся в процесс. Ни о чем не думай. Как в анекдоте,

расслабься и продолжай получать удовольствие!

Был этот голос «внутренним голосом» самого Андрея или голосом Режиссера, было непонятно. Да и не важно. Андрей внял совету и как будто «вынырнул на поверхность», снова оказавшись в «Редуте».

Закончил, к тому времени, свое соло и барабанщик. Прозвучала кода и зал погрузился в полнейшую тишину. Всего на несколько секунд.

Вставая из-за установки, ударник задел педаль, тарелки, как будто пробудившись ото сна, несмело звякнули. И зал как по сигналу, буквально взорвался восторженными аплодисментами.

- Как тебе контрабас? Перфектно? Запомни хорошо это имя - Людек Хулан!

Владе пришлось буквально прокричать эти слова в ухо Андрея.

А Ян в это время что-то рассказывал, эмоционально жестикулирую руками, подошедшим к нему взрослым мужчине и женщине. Учитывая, что практически все посетители клуба были молоды, или очень молоды, почти подростки, эти двое выделялись на их фоне.

И одежда на паре тоже была - «взрослая». Мужчина, темноволосый крепыш, был одет в строгий серый двубортный костюм, с галстуком «бабочкой». На женщине, так же склонной к полноте, было элегантное, но простого покроя, серебристо-серое, блестящее платье из ткани с люрексом. Прекрасно гармонирующее с пепельными, так - же отдававшими серебристым блеском, волосами.

Неизвестно, о чем они беседовали, но женщина вдруг пылко обняла и поцеловала Яна. Андрею на ум пришла озорная мысль, что он немного завидует.

И конечно, как южанина, его удивило равнодушие спутника дамы. Вернее, не равнодушие, а одобрение, даже радость.

Как будто уловив биотоки Андрея, пианист помахал ему рукой, приглашая подойти.

- Мои мама и папа!- Восторженно произнес Ян по-русски.

Вблизи женщина оказалась еще красивей. И улыбка у нее была обаятельная и очень добрая.

- Власта. - Произнесла она, протягивая руку. И добавила:

- Власта Прухова. А это доктор Хаммер. Я его манжелка, ну, жена, если по-русски.

А вы, Андрей, значит, из Кавказа и любите свинг. Будем петь за вас. Нет, не за вас, а для вас. Мой русский не очень. - Снова улыбнулась Власта.

И снова сюрприз! Андрей никогда не видел Власту Прухову, но хорошо знал ее имя. Известная чехословацкая эстрадная и джазовая певица, обладательница уникального сочного голоса. В СССР иногда продавались виниловые чехословацкие диски «Супрафон» и «Пантон» с записями популярных оркестров, таких как оркестр Карела Влаха, к примеру, с которыми сотрудничала Власта. Запомнился ее прекрасный дуэт с молодым талантливым вокалистом Карелом Готтом. И еще поговаривали, что на джем-сейшнене она как-то пела с легендарным Сачмо, Луисом Армстронгом.

Голова Андрея «шла кругом» от такого количества новых впечатлений.

Он не знал, как надо в Европе правильно здороваться с женщинами. Действуя по наитию, принял руку Власти и, склонившись, поцеловал. Чем заработал восторженную реакцию и похвалу Яна Хаммера старшего.

Младший же, вместе с барабанщиком, вернулся к инструментам. А за контрабас встал, пододвинув поближе микрофонную стойку, доктор Хаммер (который, как выяснилось, действительно был доктором, врачом и к тому же джазовым музыкантом; гитаристом, контрабасистом и вибрафонистом).

И началась эмоциональная музыкальная прогулка с дуэтом в захватывающий мир свинговых мелодий.

С дуэтом Власти и ее мужа.

Иногда в слаженное виртуозное двуголосье вмешивался, профессионально и корректно, и третий голос. Голос пианиста, их сына, Яна Хаммера младшего.

И это фантастическое сплетение голосов, мелодий и ритмов, виртуозная импровизация джазменов полностью владели сознанием и эмоциями собравшихся.

То расслабляя медленным звучанием джазовой темы, то заставляя раскачиваться в «унисон» с нарастающим музыкальным темпом, доводящим слушателей до экстаза. Темпом, который окончательно и полностью растворил в джазовой музыке всех присутствующих.

И самих музыкантов и счастливцев-слушателей.

Импровизированный джем-сейшен закончился в третьем часу ночи.

Андрею долго не удавалось выйти из состояния своеобразного «грогги» (если применять спортивный термин), как боксеру в нокдауне. Сознание упорно отказывалось освобождаться из ласкового джазового плена и возвращаться в реальность майского вечера. Вернее, майской ночи.

Прощание с новыми друзьями обрушило представления Андрея о чехах, как о людях сдержанных, скрупульных на эмоции. Скорее, это напоминало завершение привычного сухумского застолья, с объятиями, поцелуями и нежеланием расходится.

Ночной воздух был теплым. Со стороны Влтавы, вдоль опустевшей Народной улицы, дул легкий свежий ветерок, пропитанный запахами реки и молодой листвы. Стояла полная тишина, нарушающая лишь шумом двигателей редких автомобилей.

Андрей удивился, помня вечернее столпотворение на тротуарах. Этот контраст стал неожиданностью.

Но, в конце концов, Прага не Лас-Вегас или Канн, подумалось Андрею. В большом городе люди должны ночью спать, даже если этот город - европейская столица.

Честно говоря, он и сам устал. Организм выходил из эмоционального стресса, да и выпитый алкоголь сказывался. Андрей, шутя, сравнил себя с футбольным мячом, гордым и счастливым от неожиданных побед своей команды, в момент, когда из него, мяча, выпускают воздух.

Владя же был, казалось, неутомим. И хотя его явно покачивало от спиртного, завершать вечер новый друг Андрея не спешил.

- Сейчас мы пойдем в ночной ресторан. У меня, правда, закончились деньги, но в Праге я везде имею протекцию.- Объявил Владя.

Идея не вызвала особого энтузиазма у Андрея. Вечер и так удался. Он был насыщен таким количеством событий и эмоций, что требовалось время осмыслить и «переварить» их.

К тому же в трезвеющей подкорке стала настойчиво возникать химера возможных «разборок» с руководителем группы по поводу столь поздней явки в отель.

Ну, мало ли что говорил он, руководитель, прошлым вечером.

- Хорошо, не буду настаивать. Сейчас я покажу тебе ночную Вацлавскую площадь, это совсем рядом. Потом мы возьмем такси. Я отвезу тебя и поеду домой.

Идти пришлось узкими, почти не освещенными переулками, по идеально подогнанной брусчатке древней мостовой. Между темными, причудливыми громадами зданий, снова воскресившими в памяти сходство с кинопавильоном.

Свет возник внезапно. Совершенно неожиданно. Как будто они, выйдя из очередного переулка, просто перешли невидимую грань между мирами, между измерениями. И вместе со светом вернулся звук. Вернее, шум. Веселый радостный гомон гуляющих, нарядно одетых людей. В ярком свете старинных фонарей.

Вацлавская площадь, географический и энергетический центр Праги, и не думала спать, несмотря на глубокую ночь. Да и не было здесь никакой площади, в понятии москвича или сухумчанина. Скорее, широкая улица, напоминающая парижские бульвары, с просторными тротуарами, выложенными плиткой и пешеходно-парковой зоной посередине. Вольготно спускающаяся вниз от внушительного здания Национального музея и памятника святому Вацлаву. Обрамленная по периметру ансамблем монументальных строений начала столетия, бережно вписанных в цельный архитектурный облик города.

Магазины, встроенные в первые этажи зданий и торговые пассажи, уютно уходившие подсвеченными галереями вглубь домов, были закрыты. Но установленные на тротуарах бесчисленные киоски, оформленные в стиле «ретро», вели активную торговлю. Сигареты, журналы и газеты, минералка, горячие сосиски и выпечка. И конечно пиво. Правда, только в бутылках.

Много молодых людей и девушек. Звуки гитарных струн и характерное потрескивание транзисторных приемников. Смех и приветственные возгласы. Одни неспешно прогуливаются, другие, собравшись группками, о чем-то живо спорят.

- Можно будет выезжать за рубеж на работу или учебу. Станем избирать не только президентов, но и ректоров и деканов. Издавать независимые студенческие газеты. - Переводил услышанные фразы Владя.

На краю тротуара, у проезжей части, устроилась странная пара.

Пожилой дядька, явно под градусом, с бритой блестящей головой, сидя прямо на тротуарной плитке, лихо наигрывал на аккордеоне попурри из модных мелодий.

Его не менее живописный собрат, стоя рядом на коленях, совершил какой-то странный ритуал. Он целовал музыканта в голову, затем плевал в место поцелуя и остервенело, активно растирал свой плевок.

Закончив, внезапно вскакивал, выбегал на проезжую часть и начинал, как дорожный полицейский, регулировать автомобильное движение. Через несколько секунд возвращался на старое место, становился на колени рядом с аккордеонистом. И все начиналось сначала.

Услышав русские слова, не поднимая голову, лысый также лихо заиграл «Катюшу». За что был награжден аплодисментами гуляющих.

Все выглядело настолько необычным и нереальным, что мозг Андрея отказывался что-либо воспринимать. Он опять ощущил себя в придуманном пространстве внутри киноэкрана. Экрана, на который проецировали кадры монументальной какой-то панорамы ночной столицы Чехословакии.

- ВЛАДЯ! - Взмолился Андрей.

- Ано, да, я понимаю! - ответил, улыбаясь Владя.

Через несколько минут такси остановилось у отеля «Юниор».

- Ахой, пока, - произнес клевавший носом Владя. - Завтра мы придем за тобой в семь вечера. Сюда.

Входная дверь была открыта, дежурный администратор улыбнулся Андрею и включил лифт.

В номере стояла полная тишина. На одной кровати уютно, как ребенок, почти неслышно посапывал Володя, секретарь комсомольского комитета института. На другой кому-то загадочно улыбался во сне Саша Бухаринский, будущий журналист из подмосковного Клина.

Не успела голова Андрея коснуться подушки, как где-то внутри его сознания возникла мелодия. Песенка-заставка из телепередачи «Спокойной ночи, малыши».

Только в джазовой аранжировке.

Потом гостиничные кровати, как на телевидении, встав в круг,

закружились на невидимой карусели, устроились гуськом друг за другом и стали стремительно удаляться, уменьшаясь в размере.

Пока не растворились в сереющем предрассветном небе, где висели над прекрасным городом, как в известном мультфильме, крохотные сердечки, на которых было написано - Любовь, Весна, Свобода.

«ВРЕМЯ ДЖАЗА» НА ВЕРХНЕЙ ПАЛУБЕ

В советские времена Сухумские рестораны, как места встреч и общения людей, как воплощение философии гостеприимства и хлебосольства, были, безусловно, востребованы. А с учетом специфики национальной кухни, финансово доступны.

«Амра» выигрышно отличалась от других увеселительных заведений; находилась в удобном месте, в центре города, как бы зависшая над морем, подчеркивая оригинальность архитектурной идеи, и совмещала в себе «прелести» хорошего ресторана на первом этаже с демократической открытой террасой второго уровня, и быстро стала очень популярным в городе «объектом общественного питания».

И хотя второй этаж был, вроде бы, просто частью ресторана, на самом деле на двух уровнях расположились совершенно разные Миры. Пожалуй, первый и единственный ресторан в городе, где заказ чашки кофе не вызывал недоумение у официанта. Террасу второго этажа прозвали «верхотурой» или «верхней палубой».

А еще и свежий игривый морской ветерок, обдувающий постоянно террасу и потрясающей красоты вид, открывающийся сверху на береговую линию, что влево, что вправо, и ленивое бормотанье волн где-то далеко внизу...

Очень быстро прописалась на верхотуре «Амры» и стала своей, привычной, даже обязательной, веселая, шебутная, любопытная и вечно голодная до знаний, новостей и общения, разношерстная творческая братия. Студенты, актеры, художники, музыканты, молодые ученые...

Три моих друга, Рома Хахмиджири, Менаш Ефремашвили с братом Эпиком «заразили» меня вирусом неведомой болезни, имя которой -ДЖАЗ3. (Сознательно ставлю в конце слова две буквы 3, как в английском, чтобы подчеркнуть значимость, исключительность явления, так увлекшего меня).

И я серьезно «заболел».

Считается, что во времена Хрущева был период, так называемой «коттепели», относительной свободы творчества. Это - иллюзия, на мой взгляд. Просто Хрущев в своей ожесточенной битве

с тенью покойника, своего предшественника, физически не мог сразу «занять все территории противника», в силу чего образовалось ВРЕМЕННОЕ окно, период, который изголодавшийся по нормальной жизни советский народ принял, по наивности, за смягчение идеологии, за некое подобие «человеческого лица» социалистической системы. Но власти быстро спохватились и окошко захлопнулось.

У братьев Ефремашвили была уникальная, по тем временам, коллекция »фирменных«, американских виниловых пластинок. И часто мы, друзья Менаша и Эпика собирались в их уютном гостеприимном доме, чтобы слушать и обсуждать Великую эту Музыку. Кто-то привозил магнитофонные кассеты с записанными джазовыми концертами. И очень выручал радиоэфир.

Власти глушили всякие «вражеские голоса», но нас они не волновали. Радио Бейрута же, которое выпадало из списка вредных, баловало нас новинками западной эстрады, в режиме хорошей слышимости, а каждую ночь, с ноля часов, в эфир выходил легендарный джазовый комментатор, обладатель уникальных знаний и, не менее уникального, бархатного голоса - Уиллис Коновер, с программой Голоса Америки «Время джаза». Это был час волшебства, час блаженства.

Джаз стал очень популярен в городе. В энергетическом «букете» АМРЫ есть и джазовые оттенки. На террасе собирались любители джаза и профессиональные музыканты. Восторженные обмены мнениями переходили, порой, в ожесточенные споры, но заканчивались посиделки, как правило, попытками голосового озвучивания новых джазовых тем, своего рода джем-сейшенами акапелло.

Вечно теоретизирующий пианист Роланд Баланчивадзе, по прозвищу «Куса», медлительный, ностальгирующий трубач Вахтанг Мгалоблишвили, доброжелательный, улыбчивый саксофонист Женя Землянский, всеобщий любимец Джумбер Беташвили, сдержанный, всегда изысканно одетый, виолончелист Альбик Митичян с братом Рафиком, братья Миносян, Рома Хахмиджири, постоянно отстукивающий пальцами замысловатые джазовые квадраты. Почти исчез из памяти образ тихого, стеснительного юноши, но сохранилась необычная, вызывающая улыбку фамилия - Чижик.

Для этих и некоторых других сухумчан, джаз стал не просто увлечением, а жизненной философией, смыслом жизни.

В разное время вспоминаются на террасе музыканты и вокалисты популярных ансамблей; Юра Герия, Геннадий Бебия, Ардашин

Авидзба, Людмила Гумба. Приходили студенты музучилища - два Володи, Полянский и Полиматиди, Лео Брозул. Наведывались, в перерывах между гастролями, эмоциональные, подвижные танцоры прославленных республиканских коллективов.

И, вперемешку с джазовыми мелодиями, разносились, с «Амры», с потоками пряного вечернего воздуха, диковинные слова и выражения музыкального «лабухского» сленга и джазовые термины. «Импровизация, синкопа, кода, джем-сейшен, би-боп, блюзовая тема, джаз-стаккато». Эти слова завораживали.

Помню подсмотренную сценку. Кто-то из музыкантов увлеченно рассказывает некую историю молодому парню. Фабулу я не помню, да она и не важна. А текст примерно такой; - «Кочумай, чувак, базлаю тебе, не обижайся, вчера на жмура ходили, немного башлишками разжились, пошли поберлять, ну и потеряли тему, понимаешь, чувак? Юноша, выслушав сию тираду, произнесенную на непонятном, тарабарском языке, с широко открытыми глазами, угадывая в конце ее знак вопроса, кивает головой и неуверенно произносит; - «Понимаю, только не Чувак я, дядя Юра, а Аршак, Вы перепутали имя».

(Смысл текста можно было бы перевести на человеческий язык, примерно так; - «Брось, парень, не обижайся, говорю тебе, вчера играли на похоронах, заработали немного денег, зашли перекусить, ну, и набрались».)

На «Амру», естественно, зазывали и редких гостей-джазменов. Редких, потому что джаз относился к искусству «буржуазному», а значит, опальному, и, если власти и терпели джазовые музыкальные коллективы на местах, то гастролирующих групп почти не было.

Как то зимой в городе выступал эстрадный оркестр из Баку. Одно отделение было типично советским, а во втором был представлен, неожиданно для зрителей, классный джазовый квартет, мастерски исполнявший сложнейшие музыкальные темы.

Был теплый вечер, после концерта бакинцы вышли на променад, были «взяты на абордаж» и доставлены на верхотуру «Амры». Где испытали шок, обнаружив в солнном полупустом городе шумную компанию людей, так сильно любящих и отлично знающих джаз.

Просто разойтись было невозможно, нашлись ключи от ближайшего Дома Культуры, где было пианино, гости сбегали за инструментами...

Только влюбленные в джаз и причастные, хоть раз, хоть в качестве слушателей, к спонтанно возникающим экспромтам, знают, что такое джазовый джем-сейшен, на всю ночь, далеко не в тепличных

условиях, но с мощнейшей, безумной творческой энергетикой, которая заряжает человека, кажется, до конца жизни.

Бродят, в закоулках памяти, отдельные имена и события тех лет, так или иначе причастные к музыке и к «Амре». Сермакашев, Кребер, Голощекин, Рычков...

Тбилисский джазмен Гачечиладзе приводил москвича, джазового трубача, по имени Андрей. Не исключено, что это был Товмасян. И, конечно, не раз бывали здесь веселые и шумные музыканты любимого в Сухуми ансамбля «Иверия» Александра Басилая.

Так странно «легли звезды» для Министерства культуры СССР, но в 1966 году, в сухумской госфилармонии состоялся концерт Великого американского джазового пианиста, композитора и оранжировщика Эрла «Папы» Хайнца. Один из лучших джазовых коллективов Америки, с музыкантами высочайшего класса, с потрясающей вокалисткой Клеей Брэдфорд!!! Никто, ни в каком сне, не смог бы представить такого!

Тем летом в городе отдыхало много друзей, представителей особой «касты» москвичей и питерцев, «штатников» или «стейтцы», как их, шутя, называли.

Эти молодые, образованные, люди, как правило, из весьма культурных семей, были помешаны на всем американском. В одежде предпочитали университетский стиль «АйвиЛиинг»; рубашки с пуговицами на воротниках, массивные туфли (шузы с «разговорами») «Инспектор», очки в металлической оправе, с обязательной дужкой - «Маккарти». Они прекрасно владели английским и имели доступ к закрытым источникам информации. Почти все из них, что естественно, хорошо знали и любили джаз.

Так что каждая, исполненная на концерте, джазовая мелодия, встречалась, по американскому обычанию, не только аплодисментами, но и мощнейшим свистом. Милиция была в шоке, но арестовать почти весь зал была не состоялось.

После концерта мы дожидались музыкантов на улице. Я думаю, они были приятно удивлены, встретив среди советской публики такое количество людей, знающих джаз, владеющих английским да и одетых, скажем так, по американской моде, нетипичной для европейцев. А может они приняли наших ребят за американских студентов, путешествующих по миру? Кто знает?

После обмена сувенирами, кому-то пришла мысль, а почему бы не пригласить американцев на «Амру»?

Идею на корню загубил офицер КГБ Рэм Хацкевич (переехавший, кстати, позднее, на ПМЖ в «капиталистический» Израиль).

Металлическим голосом он объявил, что у музыкантов запланирован ужин, что рано утром они улетают и, вообще, поздние посиделки с иностранцами могут нанести вред здоровью советских граждан. (А вы все говорите - оттепель, оттепель).

Так что, если не Хацкевич, я мог бы вспоминать сейчас, как пил кофе на «Амре», в компании Эрла Хайнца и Бадди Джонсона и, возможно, целовал бы руку неподражаемой Клее Бредфорд.

Но, извините, это уже непродуктивное сослагательное наклонение.

Романтическая джазовая тема «Амры» отозвалась, как-то, сказочным аккордом, в Новогодней заснеженной Москве. В столицу прибыл один из «Поездов Дружбы», в которых, в качестве поощрения, Комсомол посыпал, со всех концов огромной Страны в столицу молодежь, отличившуюся в учебе или труде, для знакомства с Городом-Героем.

Именно на таком поезде из Абхазии прибыли мои друзья - музыканты Юра Герия, Рома Хахмиджири, Альбик Митичян.

Обычно для делегаций составлялась культурная программа, но мои друзья хотели, в тот морозный вечер, одного; попасть в КМ (Кафе Молодежное), на улице Горького, где в те времена изредка играли джаз.

Что было, практически, делом нереальным, ибо ежедневно, в кафе проводились мероприятия по заявкам, то есть зал сдавали в аренду предприятиям, для вечеров только своих сотрудников.

Но, о чудо! Само Провидение, в образе милой девушки из комитета комсомола НИИ, проводившего мероприятие в кафе, провело нас в тот вечер в КМ. И Провидение же устроило так, что на вечере выступал квартет Алексея Козлова, Великого джазмена и Борца с Системой, неутомимого и неустранимого Популяризатора Джаза!

Когда джазмены ушли передохнуть, гостеприимные организаторы вечера, принявшие нас, на радостях объявили, что в гостях у москвичей гости из солнечной Абхазии, к тому же музыканты. И, естественно, возникла просьба - сыграть!

Ребята сели за инструменты, даже мне в руки дали что-то типа маракаса, попросив, правда, не особо им двигать, и заиграли... джазовую тему, кажется что-то из Дейва Брубека. И это после Козлова!!!

Очередное чудо случилось чуть позже. Алексей Козлов вернулся в зал, взял саксофон и... присоединился к сухумчанам! Поверьте, все участники импровизированного джем-сейшена были на высоте!

Это было незабываемое единение людей через Великую музыку!

Так что смело могу хвалиться - «стоял на перкуссии» в джем-сейшнене с Великим Алексеем Козловым!

А что касается моего личного «романа» с музыкой, в частности, с фортепианной, он, к сожалению, был недолгим и закончился драматично.

В возрасте восьми или девяти лет меня отдали в музыкальную школу, на подготовительное отделение. Нотная грамота, сольфеджио, разучивание гамм, все привычно и рутинно. Особого усердия я не проявлял, но перспектива играть на пианино и самому подбирать мелодии, была мне по душе.

Все шло своим чередом, кроме одного, самого главного. Мои руки отказывались играть синхронно, одновременно. Сначала я относился к этому факту достаточно спокойно. Потом же, с нарастающей силой, меня стала охватывать тревога. И в момент, когда тревога переросла в панику, когда я полностью потерял надежду, произошло чудо! Как то утром я сел за инструмент и... заиграл обеими руками, да так слажено, как будто был профессиональным пианистом. Каким же счастливым я был в течение нескольких дней!

Однажды вечером, позволив себе небольшой отдых, я отправился в парк им. Ленина. Находился он недалеко от нашего дома и, обычно, по вечерам здесь собирались мальчишки из ближайших дворов, поиграть в пинг-понг, или просто пообщаться.

Обычно веселая и добродушная «хевра» встретила меня, неожиданно, с каменными лицами и в полнейшей тишине. Это было настолько необычно, что я почувствовал нечто похожее на страх. Не зная, как реагировать, я смутился и спросил, что случилось, не умер ли кто, не дай Бог. Пока нет, ответили мне, но кое-кто отмереть может. Этот загадочный ответ еще больше меня запутал.

И тут «хевра» перешла, без лишних слов, в атаку.

- Так ты, как оказалось, баба? Как это нет! А кто из нас на музыку ходит? А в музыкальке, как известно, учатся одни только бабы. Так что выбирай, мы или музыка!

Не знаю, наверное, это был розыгрыш, «прикол», ведь на самом деле, в музыкальной школе училось немало мальчиков, так что аргумент сей был «липовым». Но я, к сожалению, был наивным ребенком и принял все за чистую монету.

Будучи в шоке, явился домой и закатил родителям истерику. Не помню, что говорил я в тот вечер, но мои родители, добрые и мягкие люди, пошли у меня на поводу. Музыкальную школу я бросил.

Как-то раз, много лет спустя, отец моего друга, фронтовик, рассказывал мне историю, случившуюся с ним во время войны. Он, тяжелораненый, пообещал врачу госпиталя, что бросит курить. И слово свое сдержал.

- Знаешь Вова, прошло несколько десятилетий, а я ежеминутно испытывая болезненное желание выкурить папиросу. Ночами я не могу уснуть, ибо чувствую запах табака физически. Засыпая, курю в каждом сне, а просыпаюсь со слезами на глазах. Но курить реально? Нет, конечно, я же дал слово.

Вот и я часто мучаюсь ночами, но не от отсутствия табака. Хуже! Во сне я сажусь за инструмент и с упоением играю джазовые мелодии. Но, увы, после ночи всегда наступает утро.

ГЕОМЕТРИЯ ДУХА

Нет другой такой музыки, завораживающей, забирающей полностью мои душу, ум и эмоции, как джаз. Влияние это субъективно и не умаляет, ни в коей степени, богатства и разнообразия классической или, к примеру, народной музыки.

Но только джаз оказывает на меня столь мощное воздействие. Джаз входит, прорастает внутрь, в сознание, в саму сущность мою. Подчиняет, без остатка, своему ритму, своей архитектонике, своей философии. И вот незаметно ты становишься некоей субстанцией, молекулой, частью великой этой, непознанной, загадочной, но прекрасной материи. Движение во времени и пространстве, в привычном понимании, отменяется. Начинаются галактические путешествия, скольжение по граням гиперпространства, перемещения в иные, неизвестные измерения. ESCAPE FROM REALITY! Побег от реальности! Но реальный побег.

Великое Творчество Великих людей. Свободных людей!

Магическая спираль! Все время в развитии, все время только вверх. Нет границ, нет берегов. Даже проверенные, казалось бы, годами, и незыблемые правила не сдерживают джазовых Бунтарей. Хоть чуть - чуть, хоть на пол - шага, но бежит мысль впереди самой себя, преподнося сюрприз за сюрпризом.

Наигрывал джазовые мелодии немного рассеянный еврейский мальчик, слегка близорукий, в несуразных роговых очках. И понял - не хватает ему привычных четырех четвертей для новых композиций, для новых идей. Тесно ему в замкнутом музыкальном квадрате.

Мальчик вырос и сотворил, вместе с другом и единомышленником Полом Дезмондом, небольшую музыкальную революцию!

TAKE FIVE. (ВСТУПИ С ПЯТОЙ). Забыл о классическом размере построения музыкальных фраз, о четвертой четверти, той обязательной доли вступления, начала композиции. Вступил, ломая правила, с пятой.

И создал шедевр!

Потом, правда, были и 6/4, 13/4, 9/8. Но потом.

Начало шестидесятых. Зеленый глазок радиоприемника «Телевунтен». Полночь по местному времени. Рома привозит ко мне свой «Днепр-11», чудо-магнитофон, лучшее из того, что производилось в тогдашнем Отечестве. Усиленный дополнительными динамиками он, действительно, выдавал очень качественный звук. Хороши были низкие частоты, что важно для джазовых мелодий. Инструменты ритмической группы, при хороших «низких», создают объемность звука, усиливают эффект присутствия.

Приемник настроен на волну Бейрута. Ждем ежедневную, вернее, еженощную передачу Голоса Америки - «TIME FOF JAZZ» (ВРЕМЯ ДЖАЗА), легендарного радиоведущего и историка джаза, Уиллиса Коновера.

И вот начинается он, этот волшебный час Блаженства, час Великой Музыки, час Побега! Мистер Дейв Брубек «со товарищи». Легендарные Пол Дезмонд на альт-саксе, Джо Морелло - ударные, и единственный афроамериканец в Квартете, басист Юджин Райт.

TAKE FIVE, полная версия. Около десяти минут. Десять Минут того самого Блаженства, улета в неизведенное Прекрасное.

Ты сидишь (полулежишь, лежишь) с закрытыми глазами, а музыка творит, выстраивает в пространстве за твоими веками немыслимую цветовую архитектонику форм, объемов и образов. Необычный музыкальный размер, темп джазовых фраз провоцирует твое сознание и оно, будучи не в состоянии противиться столь эмоциональной агрессии, создает необычные цветовые композиции, используя твои опущенные веки как задник сцены, как некую экспозиционную плоскость.

Будто гигантские цветы, мутируя, изменяясь, начинают избавляться от привычных очертаний, округлых и немного аморфных. Стремятся вписаться, формой и цветом, в загадочную геометрию космических высот. Ромбы, полусфера, сегменты. В движении, соприкасаясь друг с другом, взаимодействуя, вяло пульсируя оттенками цвета, вдруг приходят в противоречие, сталкиваясь прямыми

линиями плоских фигур. Моментальная вспышка яркого света, идущего ниоткуда... и прямые линии становятся сверкающими гранями трехмерных кристаллов, плоскости трансформируются в объемы, объемы сталкиваются друг с другом, множатся, создают иллюзию нового измерения и уходят в него, оставляя мощный энергетический след...

Гамма синих цветов, бесчисленное количество оттенков только усиливают эффект космического скольжения. Освещенные ослепительно белым светом грани объемных геометрических конструкций, переходят в разбеленный голубой, что бы тут же заиграть насыщенным, фактурным синим, граничащим с черным или темно-фиолетовым цветом. Цветом индиго. (INDIGO MOOD. Настроение Индиго? Тоже джазовая тема, но совсем другого звучания, других эмоций).

Энергетика синего Космоса не хочет отпускать твоё сознание и после заключительной коды. После окончания музыкальной темы. Воистину - всеобъемлющая Геометрия эмоций, ритма, форм и цвета.

Что Первично, что Вторично: музыка, ее ритм, ее архитектоника, ее право полонить сознание и раскручивать, уже внутри него, эти безумно красивые, завораживающие композиции космической живописи? Или и у живописи, не у космической, а у земной, привычной, красками по бумаге или по холсту, а может, по стеклу, тоже есть право сводить с ума, завораживать? Заставляя джазовые мелодии, фразы, синкопы звучать внутри человека, подчиняя музыкальным ритмам ритмы биологические, скорость тока крови по венам и артериям, частоту биения сердца...

Ведь называют же архитектуру застывшей музыкой. А как быть с живописью?

Ответ, можно сказать, лежал на поверхности и был не то, что бы очень прост, но и не таким уж сложным. Нужен был лишь некий толчок, эмоциональный или добытый методом сравнительного анализа из недр собственного жизненного опыта. Как если выдернуть чеку из гранаты.

Как описать состояние человека, носившего в себе, в своем сознании, несколько десятилетий, эти творения неземного, галактического Разума, эту космическую Геометрию, обращаясь к ним

в минуты радости и в моменты жесточайшей депрессии. Дабы сверять с ними, как с неким магическим прибором, свои эмоции.

И неожиданно увидеть до боли знакомую картинку, существующую, по твердому убеждению, лишь в собственной памяти, в единственном экземпляре. Увидеть на дисплее компьютера.

Я даже не испытал шока. Не успел. Протер глаза. Не помогло.

Ну да, конечно. Надо перезагрузить комп. Всего-то дел.

Но восстановленная сессия снова выдала то же самое изображение: пространство, насыщенное космическими геометрическими фигурами, дышащими, слегка дрожащими, как бы, в предвкушении начала движения, сложного взаимодействия фактурных, светящихся изнутри градаций того самого волшебного синего цвета.

Возможно, там, Наверху, забавляется с моим сознанием некий Стажер, Ученик, только постигающий магию и волшебство, не расставшийся пока с озорством ребенка.

Но нет. Фейсбук беспристрастно докладывает - это картина из альбома художника. Написана маслом, размер такой-то. Есть и название. «Тетрис. КАМЕРТОН». Есть и фамилия автора - ДИАНА ВОУБА.

Но это же мой TAKE FIVE! Зачем понадобилось кому-то проникать в мою подкорку, копаться в ней и делать мои эмоции, мое видение музыки Брубека, достоянием Интернета.

Ну а если никто нигде не копался? Ведь камертон сам по себе и есть магический прибор! Разве не может он трансформировать в сознании человека самые разные музыкальные образы в зрительные? Ведь приходят одни и те же, или похожие, мысли одновременно незнакомым людям? Возможно, это просто найденная кем - то еще чека от той самой виртуальной гранаты?

Не знаю, это уже слишком, попахивает психоаналитическим самоистязанием.

Тем более, что мне знакома фамилия художника и я видел ее

работы. Но совсем другие. Помню, как меня поразили портреты молодых людей, юношей и девушек. Серия, название которой звучит, как - «Абхазия, новое поколение».

Полтора десятка небольших по размеру полотен, выполненных в сдержанной серо-золотистой гамме. Хорошо, почти академически прорисованные лица, минимум антуража. Вот, пожалуй, и все.

Но подойдите поближе к любому из этих портретов и постойте немного в тишине.

И вы почувствуете мощную, магическую, энергетику, исходящую от картин. От каждого квадратного миллиметра. Вы вдруг увидите солнечный свет, как будто излучаемый кожей людей, изображенных на портретах. Ощутите их одухотворенность. И не важно, чье лицо вы рассматриваете, глаза, взгляд с картины будут завораживать вас и, незаметно от себя вы окажетесь в их плену. Вы будете втянуты в разговор, в философские беседы, в споры и дискуссии. На энергетическом уровне. И долго еще будет держать вас в состоянии восторженного возбуждения сильная и добрая энергетика полотен.

Такое удавалось лишь великим мастерам прошлого. Я не веду речь о технике живописи, о манере рисования, о философии художников, я говорю о магии света и цвета, о явном энергетическом воздействии картин на зрителя.

Эти портреты излучают свет, даже когда висят в плохо освещенном помещении.

Спустя время, я увидел несколько московских пейзажей Дианы. Снова серия работ. Такие же, внешне сдержанные, живописные полотна. Спокойные, уютные изображения домов, мостов, набережных старой Москвы.

Пастельные, мягкие, простые, на первый взгляд, цвета осторожно дробят плоскость картин, рождая замедленный музыкальный ритм, звучащий мелодично и вполне реально в пространстве вокруг полотен. Кажется, что автор сознательно убирает с плоскости картин все, что может помешать восприятию живописи. На картинах нет ни людей, ни автомобилей.

Художники, как правило, вводят изображение людей, чтобы воспринимался реальный масштаб изображения. В работах Воуба это совсем неважно, хотя масштаб всего изображенного

воспринимается глазом вполне комфортно и достоверно.

А важна, на мой взгляд, все та же ритмическая архитектоника, мелодика полотен.

И самое главное - удивительно точно увиденное и переданное зрителю состояние души, состояние умиротворения, неспешного течения жизни, окуджавовского влечения к прогулкам в одиночестве. К философствованию, музицированию и написанию стихов. В условиях полной тишины. «Выпрыгнув из реальности». На фоне былой размеренной жизни Замоскворечья.

Могло сложиться впечатление о художнике: безусловно, талантливый, одаренный живописец, тонко чувствующий все, что нас окружает, умеющий передавать увиденное, пропустив через ум и сердце. Щедро напитав полотна доброй энергией своей души. Виртуозно владеющий цветом и живописной техникой лирик, мечтательный, но рассудительный и спокойный.

Как бы ни так!

Дальнейшее знакомство с живописью Дианы Воуба переворачивает ваше сознание на сто восемьдесят градусов, ставит его с ног на голову! Кстати, не отменяя первоначального впечатления!

Взрыв бомбы! А может быть, рождение некоего урагана, торнадо? Торнадо Красного Цвета. «Красная Москва»! Где спокойствие и рассудительность?

Странное и страшное масонское сооружение в центре Православной Столицы, обиталище современного кровавого царя Мавсола, изображено в неестественном ракурсе, подчеркивающем парадоксальность постройки, ее уродливые пропорции и мистическое назначение. Кроваво-красная тень, оттененная черным цветом гранитных плит, усиливает состояние трагичности. Душа волнуется, начинает метаться и в глубине ее возникают неясные, тревожные аккорды какой-то незнакомой музыки. Такой же мощной и трагичной, как Ленинградская симфония Шостаковича.

Никольская башня Кремля, на другом полотне, воспринимается, как удивительно грациозный, но мощный красный орган, устремленный ввысь. И мелодия звучит уже другая, более спокойная и обнадеживающая.

И в этой картине и в изображении других кремлевских башен, художник смело использует яркие, почти открытые оттенки красного цвета. Но это только на первый взгляд. И если картины осматривать по отдельности.

Стоит лишь приблизиться к полотнам, как становится ясно - художник тщательно продумывал композицию и соотношение цветов. Каждый отдельный цвет, на самом деле, составлен из множества разных. И крайне сложен. Как по оттенку, так и по фактуре. Другая музыка, другой ритм, другая энергетика.

Следующая, новая серия портретов, лишила меня сна. Я стал конструировать в своем сознании виртуальный образ живописца, сознательно не ища в И-нете ее фотографий. В памяти всплывало одно из скульптурных изображений богини Дианы. Рослая дама, воительница, охотница, с тренированным телом, накаченными бицепсами... ну и так далее.

Почему мощные бицепсы? Да потому, что портреты, о которых я сейчас поведу речь, не имеют ничего общего с изысканными, сдержанными изображениями молодых людей из первой серии. Человек, сотворивший их, должен обладать не только мощным энергетическим потенциалом, но и физической силой.

Постараюсь объяснить. Теоретически живопись можно создавать, используя самые различные красители, на разной основе, от бумаги до штукатурки, металла и стекла. И при помощи большого количества инструментов и приспособлений.

При создании так называемых «станковых» произведений часто используется холст, как основа картины, масляные краски и кисти. Иногда художники применяют вместо кистей мастихин. Этот инструмент напоминает миниатюрный «мастерок», выполненный из тончайшей гибкой стали, укрепленной на рукояти. Он предназначен для снятия, удаления красочного слоя с поверхности полотна. Работа же с ним в качестве инструмента для нанесения красок как раз и требует недюжинной физической силы. Помимо умения, опыта и таланта, разумеется.

Посмотрите, пожалуйста, на эти полотна! Хотя бы в интернете. Конечно, Вы недополучите положенной порции энергетики, но и без нее, я уверен, яркие впечатления Вам обеспечены! Войдите на

сайт художника и смотрите.

Серия «Современники». Портреты Фазиля Исакандера, Ольги Солдатовой, Германа Виноградова, Игоря Шелковского...

Смелые ракурсы, крупные формы, головы, вылепленные как будто рукой скульптора, безумство цвета и фактуры красок, нанесенных мастихином. И соответствующая музыкальная тема. Я не силен в классической музыке, но я думаю что это - «Первый концерт для фортепиано с оркестром» Петра Ильича Чайковского!

Так больше продолжаться не могло! Я попросил у друзей телефон Дианы. И напросился в гости.

«Сталинский» дом на Садовом кольце, рядом с Курским вокзалом, самое шумное место центра Москвы. Квартира, превращенная в студию, зашторенные окна, как хоть какая-нибудь защита от слепящего солнца. Жаркий полумрак, запах красок, растворителей, сигаретного дыма и молотого кофе. И хозяйка...

Невысокая женщина, склонная к полноте, темноволосая, с удивительно красивым и добрым лицом. Элегантные очки в роговой оправе не скрывают умного, немного застенчивого взгляда. Маленькая, пухлая и очень теплая рука.

Знакомит с сыном Аланом, фотохудожником. Предлагает кофе. Негромкий спокойный голос приятного тембра.

Таких женщин часто называют домашними, уютными.

И это Диана? Богиня с тренированными бицепсами? Творец, философ, генератор энергии такого накала? Создатель тех живописных шедевров, которые потрясли меня мощью своего эмоционального воздействия, своей немыслимой энергетикой?

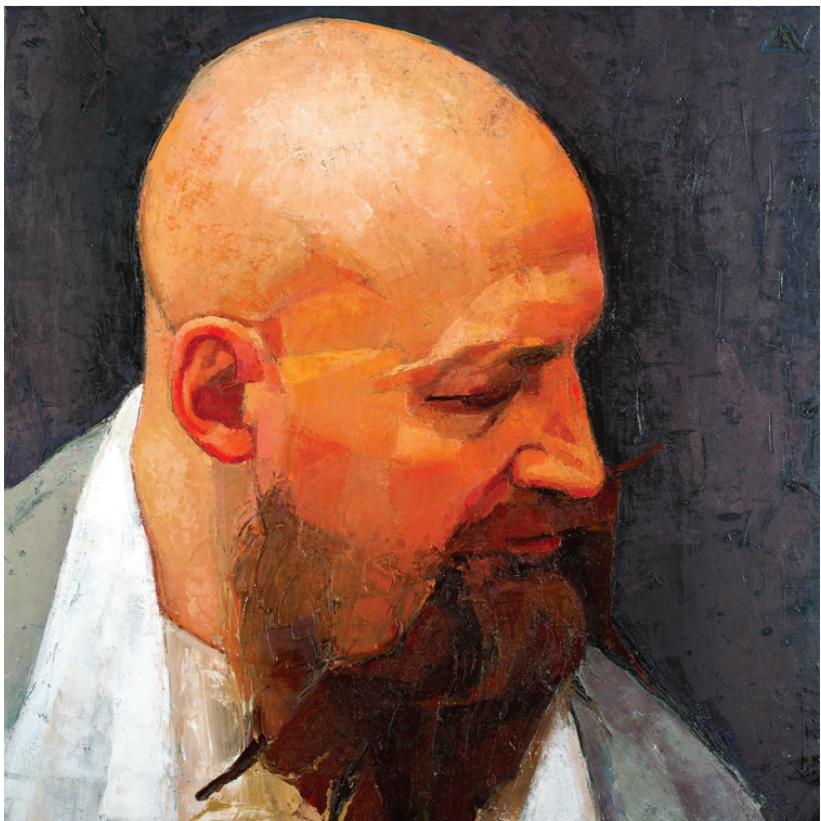
- Мне нужно рассказывать о себе?

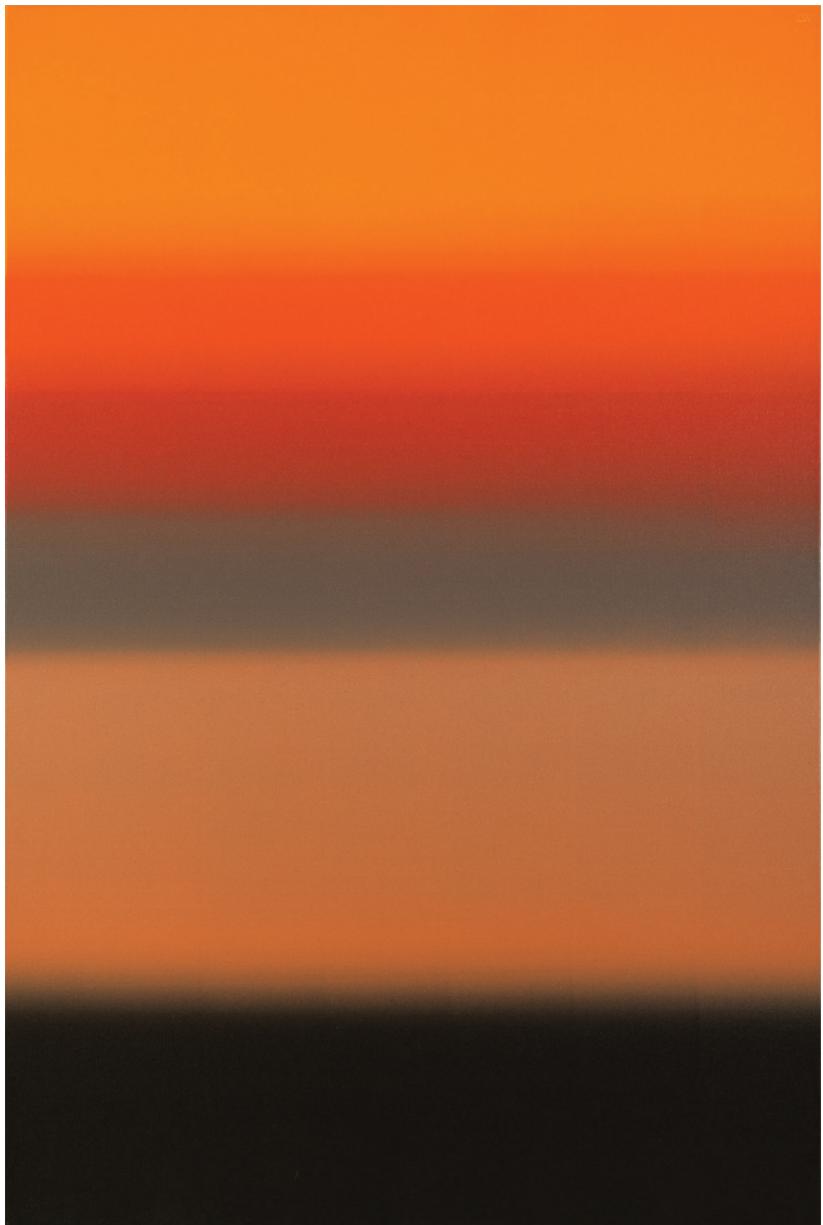
- Да нет же. Я ведь не репортер, не искусствовед. И хоть к Вашему творчеству проявляют интерес некоторые уважаемые специальные издания в Абхазии и в Москве, я пришел по велению своей души, как бы высокопарно это не звучало. А если понадобятся Ваши биографические данные, любой найдет их в Интернете.

Родилась в Абхазии, закончила Тбилисскую Академию художеств, стажировалась в Париже и Риме, живет в Москве... Живет и Творит!

Но если все же рассказывать, то о своих работах, и то минимум, ибо полотна говорят сами за себя. Так что - Смотреть!

Смотреть, так смотреть!

Возвращался я домой поздним вечером, с «поворнутой» головой, полностью истощенный энергетически. Находясь под сильнейшим впечатлением от увиденных работ. И от личного обаяния хозяйки студии.

Ночью я понял, что писать о Диане мне будет очень трудно. Писать о ее творчестве? Получится большая по объему монография. Но написание монографии о художнике предполагает владение искусствоведческими знаниями. Их у меня нет. И вообще, есть ли смысл сопровождать, по сути дела, некими аннотациями фотографии живописных полотен, обладающих, в оригинал, такой мощной силой воздействия. Заряженных сложнейшей энергетикой. Картины, которые необходимо видеть «вживую», чтобы прочувствовать, впитать в себя их философию, архитектонику и музыкальность.

Но одновременно я понял, что судьба столкнула меня не просто с удивительной женщиной, талантливой, умной, образованной, тактичной и гостеприимной.

Я был в студии выдающегося живописца!

Сознаю ответственность за эту фразу, но готов произносить сказанные слова снова и снова! Тем более что оценка любым человеком чьего-то творчества всегда субъективна.

Но в одном я уверен - Творчество Дианы Воуба недооценено! Она мало выставляется, ее недостаточно знают, хотя ее живопись представлена в очень серьезных музеях и частных коллекциях в России, Абхазии, Европе и на дальних континентах.

Маленькая Абхазия подарила миру многих великих людей, в том числе и художников. На протяжении двух последних десятилетий, после распада тоталитарной империи, в условиях творческой свободы, несмотря на ужасающие последствия войны и блокады, изобразительное искусство Республики совершило прорыв.

Проявились новые, неожиданные грани в творчестве зрелых, известных мастеров. И «подтянулась» молодежь, художники последующих поколений.

Сейчас, слава Богу, нас не удивляют знакомые имена выходцев из Абхазии, в каталогах серьезных зарубежных музеев и галерей.

Каждому из них свойственен индивидуальный стиль, свое видение мира, своя жизненная и творческая философия. Все они разные.

Чем интересно, на мой взгляд, творчество Дианы.

Большое искусство - это, как правило, некий синтез различных творческих возможностей Личности, ибо Господь не ограничивает талант людей, отмеченных им, какой либо одной темой. Поэтому творцы часто многогранны.

У Дианы - это необычная музыкальность ее полотен, ритмическая архитектоника и мелодика. Тонкий ценитель джазовой музыки, художник пронизан ее законами и философией. Лично для меня любые произведения Дианы, это, в первую очередь, цветовые джазовые композиции, где импровизации с визуальными образами и с музыкальным звучанием полотна в целом, гармонично и эмоционально входят в зрителя. Делая его, на время, соучастником и единомышленником того, что происходит в необычном, завораживающем пространстве картины.

Правда, как я уже говорил выше, иногда с полотен художника звучит и классическая музыка. И всегда к месту.

Работы Дианы заряжены доброй, но сложной энергетикой. Необычной, космической какой-то. Они приглашают зрителя к общению, к взаимодействию с пространством полотен. К серьезному и долгому разговору.

И еще. Творчество Дианы - это тоже некая космическая спираль, развернутая в межгалактическом пространстве. Постоянный подъем, постоянное развитие, постоянная импровизация. И сюрпризы на каждом последующем витке. Хронология не важна, важен эффект.

Я пропустил все увиденные работы через сердце и душу, но не могу определиться, куда, на какие виткиставить полотна, не глядя на даты, ибо многие из них соревнуются между собой, споря об уровне эмоционального воздействия. Знаю лишь, что верхний виток спирали занят у меня работами, созданными шесть или восемь лет назад.

Это те самые цветы: безумно красивые фиалки и ирисы, «перепросившие» себя в философском и живописном смыслах и ставшими для меня, волею художника, элементами космического, межпланетного Тетриса. Мой TAKE FIVE. «Камертон» и «Крест.»

Так что конструируйте ваши эмоции сами. Выбирайте любые циклы, любые серии работ Дианы. Входите с ними в диалог, в контакт и получайте именно тот градус, именно тех эмоций, в которых нуждается ваша душа. Именно здесь и сейчас!

Я знаю, Диана хотела бы вернуться в Абхазию. Похвальное желание - жить и творить Дома, на Родине. Знаю, что центральный выставочный зал Союза художников Абхазии собираются реконструировать. Верю, что в самое ближайшее время он вновь распахнет свои гостеприимные двери. И что нас всех ждут волнительные встречи с новыми работами художников Абхазии. В том числе с полотнами Дианы Воуба!

P.S. Уже «отложив в сторону перо», позволил себе зайти на сайт Дианы в Интернете. И обнаружил размышления художника о своей живописи, об искусстве в целом, о месте Человека Творческого, Мыслящего в современной системе координат, житейских и философских.

Надеюсь, что не вызову гнева Дианы, если выложу часть из написанного ею, в это моей зарисовке. Поверьте, я не читал этих строк Дианы до того, как сел писать о ней. А словосочетанием - «Геометрия Духа», которое я позволил себе использовать как заголовок моего эссе, Диана обозначила свой новый цикл работ, который нам еще только предстоит увидеть.

”

ПЕСНЯ ДУШИ

Живопись, для меня, это путь познания мира, тайн Духа, средство видения границ собственных возможностей. Живопись - это молитва. « Если в сердце человека вдворится непрестанная молитва, случается великое чудо: он сам становится источником живой воды для других». Моя работа, мой опыт, как и любой другой опыт художника или поэта, писателя, музыканта, может стать откровением для кого-то. Отрекшись от красоты, гармонии, высших знаний, в погоне за славой и деньгами не лишаем ли мы себя самого главного? Надо ли

так поспевать за стремительно меняющимся миром, модой, подстраиваться изо всех сил, чтобы тебя заметили? Как утолить жажду души, которую не могут утолить ни плотская мудрость, ни земные блага, не суетные наслаждения, ни мимолетные радости? Живопись - это рудник, в котором драгоценные камни добываются с большим трудом и становятся достоянием нашего сердца. Тогда она становится песней души».

ТЕТРИС

В основе этого проекта лежит принцип игры в Тетрис, который, как и жизнь, состоит из бесчисленного множества комбинаций. Фигуры Тетриса - имя бога на санскрите, лестница, лабиринт, стена, синий квадрат - камертон. Все это символы мира. Мир сильно сжимается, когда его созерцаешь, и затем, раскрываясь, выливается в бесконечное разнообразие форм. Также до бесконечности можно развивать структуру Тетриса, заменяя фигуры новыми квадратами. Это - творчество интуитивного разума, ощущения, не зависящие от привычного мира вещей. Стиль игры зависит от характера игрока. Комбинации фигур тетриса или отдельных квадратов, создают новые вибрации, которые могут резонировать с тем или иным пространством, претворяя мир новых форм в реальность повседневной жизни. Так, каждый выбирает собственные предпочтения, познавая себя и мир».

Некоторые люди способны видеть звук и слышать цвет. В науке такое восприятие музыки в виде закономерно и непроизвольно проявляющихся цветовых пятен, полос, волн, называется музыкально-цветовой синестезией. Синестезия (synesthesia) – это индивидуальная нейрокогнитивная стратегия: особый способ познания, который проявляется когда существует необычно тесная связь мышления и системы чувств, (когнитивно-сенсорная проекция)».

Диана Воуба

«КАМЕРТОН». ИЗМЕРЕНИЕ СИНЕГО

*В юности, слушая джаз, квартет Дейва Брубека
с темой «TAKE FIVE», закрывал глаза и подсознание
рисовало картину, очень похожую на «Тетрис. Камертон».
Поразился, увидев ее воочию спустя пятьдесят лет
на полотне Дианы!*

ДИАНЕ ВОУБА

Синий ромб, а может, квадрат, в призрачном свете дрожит,
А может кубов сине-черных парад, картиной в простенке висит?

Музыкой нервной, ритмом кубов, рождается новый цвет,
Окрасил пространство, плоскости снов, синий слепящий свет.

Мелодией синей вмиг пропитал тела и стены квадрат,
Квадрат музыкальный изгоем стал, другой геометрии брат.

Не следуя ритму, ворвался альт, внезапно нарушив счет,
Квадрата привычный взорвал базальт, ломая нечет и чет.

Все необычно, отблеск огней в линзах очков роговых,
Нет в синем мире этом сильней латуни звуков живых.

Пробуем с пятой, Пол Дезмонд рад, в жилах не стынет кровь,
Рисует стакатто синий квадрат, ритмом рождаясь вновь.

И синею краской, основой основ, Вселенский Джазмен опять,
Квадраты, кубы Геометрии снов, считает на раз, два, три... пять.

ПРОЛЕТАЯ КУКУШКОЙ НАД ЧУЖИМ ГНЕЗДОМ

Говорят, что кукушка подбрасывает в чужие гнезда своих птенцов. Со мной все наоборот. Чьи-то строки порой оказывают на меня крайне сильное воздействие, ввергая в беспрчинное беспокойство и тревогу, провоцируя записывать разбуженные эмоции.

То есть таскать чужие яйца.

Виктор Злобин

АЛЛЕИ

*Есть на Никитской тихий особняк,
Тень Бунина под сводами витает.
И почему-то сердце замирает,
Когда ты здесь... Я не пойму никак!*

У «АЛЛЕЙ» В ПЛЕНУ ВИКТОРУ ЗЛОБИНУ

Бескрылой тенью снова я парил
Под сводами заброшенного дома.
Сдувая пыль с семейного альбома,
Смеясь и плача, что-то говорил.

Искал нить Ариадны в темноте,
Брала в полон коварная истома.
Не знаю, есть ли сердце у фантома
Ведь что-то замирало в пустоте.

Порой, казалось, слышал голос твой,
Печальный голос, ты стихи читала,
Как будто грусть в слова свои вплетала,
В венок осенний, золотой листвой.

В окно светила полная луна,
Видны в нем были башенки и шпили,
Во всей округе свечи погасили,
Звучала одинокая струна.

Готов идти я снова к алтарю.
Рву нить времен, к истокам возвращаюсь,
Опять в тебя безумно я влюблуюсь,
И Провиденье вновь благодарю.

И я молю, чтоб это был не сон,
Но бьют куранты, ночь уйдет, прощаясь.
И старый дом, в заливе отражаясь,
Растает, со струною в унисон.

Татьяна Виноградова
ВЕНЕЦИАНСКОЕ ЗЕРЦАЛО

*Канал струится светлоглазою водою,
и белокурая лагуна грезит
о рыжих и распутных венецианках Тициана.
И в каждом розовостёклом фонаре
Трепещет лепесток той, ренессансной,
очарованной зари.
Даже в полуденном мареве,
когда зерцало небес
задышано до мутного серебра.*

ПАРАФРАЗ

(ПЛЕНОЧНЫЕ КАМЕРЫ ПОДВОДЯТ, ПАМЯТЬ ИНОГДА ТОЖЕ. ОСТАЮТСЯ СТИХИ)

ТАТЬЯНЕ ВИНОГРАДОВОЙ, С ВОСХИЩЕНИЕМ

Небес разбитое зерцало сочится темным серебром
Металлом капает в каналы, в лагуне стелется ковром.

Трамвай речной с названьем странным пыхтит под аркою моста,
Гондол кочующих стараньем в каналах шум и суета.

Толпы вселенский пластилин прилип к палаццо и соборам,
Времен ушедших нафталин, к манерным тяга разговорам.

И только Сан-Микеле прост, деревьев караул усталый,
Между двумя мирами мост, в рукопожатье запоздалом.

Ноябрь 2013

ЛОРДУ БАЙРОНУ

Дружище Байрон, ночь темна,
Дрожит свечи неяркий свет,
Скрипит паркет, придет она
Не торопи же ты рассвет.

Сгорает в жаркой страсти ночь,
Томленье, стон, полет души!!!
Но пустоту не превозмочь,
Победой новой грезиши ты.

Увы, барон мятежный прав.
И впрямь наивна та мечта,
Весь женский род, сперва обняв,
Поцеловать в одни уста.

Декабрь 2013

**ПАМЯТИ ФЕДЕРИКО ГАРСИЯ ЛОРКИ
ПАМЯТИ АНТОНИО МАЧАДО
ПАМЯТИ ВСЕХ УШЕДШИХ ПОЭТОВ**

Укутал город полог звездный, напев гитары льется странный,
Ее дрожащий звук гавайский звучит мелодией печальной.

Назвал поэт гитару жертвой пяти стальных кинжалов острых
В протяжном плаче иберийском я слышу стон с родных погостов

Стенанья, слезы и невзгоды, свое в том плаче слышит каждый
Как в звездопад уходят годы, и путь закончится однажды.

Пока же в призрачном тумане плывет мой галеон упрямый,
В тревожный мир воспоминаний мистраль его уносит пряный.

Туман вдыхаю, суждено ли рассвет увидеть долгожданный,
Заветный первый Солнца лучик, дрожащий, тонкий и желанный.

Наполнит светом старый парус, слегка с туманом поиграет,
Пока туман, как мягкий гарус падет на волны и растает.

Расправив крыльями ветрила, лечу я коридором света,
Туда где Прошлое застыло, мечтаю я спасти Поэта.

Как трудно сквозь песок и время прорваться в солнную Гранаду,
Грехов чужих пригнуло бремя, свинец бормочет серенаду.

Провисли паруса Надежды и умер тихо ветер пряный,
Не приведя корабль к цели, в Гранаду, где рассвет багряный.

Еще один уходит в Вечность, но след земной и вправду светел,
Порою имя - Федерико, я слышу, тихо шепчет ветер.

Восток окрасил цветом крови крыло холодного рассвета,
Сырой песок как слезы вдовьи, смыл след того шального лета.

Ушли в песок его безумства, забыт вкус поцелуев нежных,
Аккорды струн гитар печальных не будят чувств тех самых, прежних.

Восход осенний, неба холод, в душе моей живет тревога,
По Солнцу и по лету голод, куда лежит Судьбы дорога?

Безмолвный город над причалом, песок холодный, волн ворчанье,
Балкон знакомый, окна в алом, ворот ажурных скрип, стенанье.

Бездушный мрамор, крест и роза, письмо, а в нем девичий локон,
Все, что осталось мне от лета, разорван жизни тонкий кокон.

И я уйду в туман забвенья, запомнив страсти привкус пряный,
Души последние сомненья меняю я на миг желанный.

Узор ограды, парк, платан, листвы уютный тихий шепот,
И тот же мраморный фонтан, воды привычный давний ропот.

Тот плеск как будто воскресил другого вечера прохладу,
Ты помнишь, воду я спросил, слагал и пел я серенаду.

Светила полная луна и чье-то имя повторяя, дрожала
Нервная струна и стоном в кронах замирала.

Вплетался в струны лунный свет. Ты помнишь той гитары стоны?
Не помню - был воды ответ, не помнят и седые кроны.

Вздохнул фонтан. Где явь, где сон? Не нужно трогать сердца раны,
Вода, с годами в унисон, течет, меняясь, в океаны.

Не та струя о дно стучит, купаясь в чаше белоснежной,
Не той мелодией журчит, стараясь быть веселой, нежной.

Все изменилось, прав фонтан, бреду я прочь с гитарой верной,
Забуду парк, в тиши платан, к воде прислушаюсь, наверно.

Тихо вечер опустился, мирной летней той среды,
Старый флюгер вдруг взбесился от предчувствия беды.

В нервном вихре сумасшедший флюгер ночью заблудился,
Как крылан, с небес слетевший, и метался он и бился.

Ночью море заштормило, ветер злым стал и холодным,
Утром тусклое Светило встало из-за туч бесплотным.

В полдень волны откатились, покусав бетон прибрежный,
И тотчас преобразились, став аквамарином нежным.

Вмig светило подобрело, нежась в синеве жеманно,
И несмело заалело плодом зрелым и желанным.

Но теплом своим лаская, море злобу затаило,
Тайно силы собирая, путь к отмщению прочертило.

Унесло тепло тревогу, растворились ночи страхи
И растаял понемногу силуэт грядущей плахи.

Будоража, флюгер сыпал скрежет старых крыльев медных,
Но никто его не слышал – все усилия были тщетны.

Он в который раз пытался рассказать, как лживо море.
От бессилья вниз сорвался, проиграв в жестоком споре.

Лишь когда, восстав, пучина смыла город мой беспечный,
На песке блеснул сквозь тину флюгер тот, укором вечным.

АВГУСТА ПРЕРВАННЫЙ ПОЛЕТ...

ЖИТЕЛЯМ ТКУАРЧАЛА, ОТСТОЯВШИМ СВОЙ ГОРОД...

Абрис гор, если снизу смотреть, как древний кинжал стальной,
Горстью зазубрин к небу взлететь стремится наст ледяной.

Прочерченной линией, ударом под дых, к горам прилепились дома,
В подбрюшье кинжала, у кряжей седых, город накрыла война.

Закрыла блокадой, как старую дверь, все нити жизни порвав,
Прокралась в души тревога-зверь, улыбки, как скальп, сорвав.

Улиц пустынных, крутых, спираль, окон-бойниц чернота,
Черных на белом, столбов вертикаль, деревьев немых нагота.

Холод и голод, страданья и страх, иногда лишь тревожный сон.
Если приходит к людям в домах, в обложенном городе, он.

Каплею глухо снег талый стучит, в висок и в миски фаянс,
Камертоном в ушах этот ритм звучит, воды и жизни альянс.

Водит по улицам стылая ночь неясных теней хоровод,
Город не в силах ночь превозмочь, чёрен зимы небосвод.

Тают жизни, как воск, как туман, будто мерцанье лампад,
Реальность ли, или вселенский обман, звезд ледяных камнепад.

Доколе, Создатель, нам чаша сия? Шепот, изгибы рук,
Молчат небеса, в пути Мессия, замкнут блокады круг.

Но холод на сносях, тает лед, и значит, помошь придет,
Ожившей пчелою гудит вертолет, машину Надежда ведет.

Наступят весна и лето тревог, зреет Сентябрь и вот,
Руки сжаты до хруста. Рывок, криком наполнен рот.

Жаля кожу, кипит металл, свинец лавиною с гор,
Черный металл, как угля кристалл, огнем бороздит косогор...

Приснилось все это? Себя он спросил. Я ж толстую книжку читал!
Но в памяти имя огонь воскресил. То город шахтерский - Ткуарчал!

Свободный город свободной страны, граниту имен не счесть,
Воткнут в землю кинжал войны... и сонм поминальных свеч.

Август 2013

ПАМЯТИ САИДЫ ДЕЛБА И ВСЕХ ГЕРОЕВ, НЕ ВЕРНУВШИХСЯ С ВОЙНЫ.

Я, к сожалению, не знал ее. Хоть мы и носили одну фамилию.

Роковой август нагло вторгся в привычный круговорот жизни, разом изменив судьбы людей. Юноши и девушки, забыв об учебе, книгах, мороженом и кино, переоделись в камуфляж, отложив радости мирной жизни на потом. И наряду с взрослыми ушли в ночь, зная, что не всем суждено вернуться. Но другого решения для них не существовало.

Обычно грубый ремень автомата оставляет след на плече, на коже. А если это плечо юной хрупкой девушки? Но кто из них думал о каких-то следах на коже. А тяжесть автомата была ничтожной по сравнению с тяжестью обрушившихся небес.

И они приняли как данность навязанную войну, без паники и страха. С верой в Победу!

Когда думаешь о них, о молодых, о детях, по сути, принявших на себя удар страшнейшей военной машины и выстоявших, даже ценой собственной жизни, на глаза наворачиваются слезы.

В пронзительных стихах Саиды предсказана ее судьба. Поразительно, но, девушка, рожденная для любви, материнства и долгой счастливой жизни, пишет о грядущей гибели совсем без страха, без излишней патетики, без театральной жертвенности.

Ведь платить столь высокую цену, отдавая самое дорогое, что есть у отдельного человека - Жизнь, можно только когда идет речь о спасении Родины!

Саида оставила нам прекрасные стихи - талантливые, берущие за душу. И удивительно светлые. Она умела отдавать каждой строчке, каждой фразе часть себя.

Я не поэт, но рискнул посвятить Саиде и всем, павшим за Родину, рифмы, родившиеся в моей душе.

Сентябрь 2013

Свечой, что пламенем дрожит, птенцом из теплых рук,
Судьбы пунктиром путь лежит, разорван жизни круг.

Дорога та, в грозу и зной, детей уводит в ночь,
И нет для них Судьбы иной, разлуку превозмочь.

Балкон зеленый, теплый плед, цветочный аромат,
Былых мечтаний тает след, другой грядет формат.

Беспечный августа полет над горною грядой,
Прервал военный самолет сорвавшейся звездой.

И август льдом холодным став, реальность изменил,
Природы краски разметав, о лете позабыл.

Хорея ритм поэт прервал, набросил камуфляж,
И юность разом оборвал из пуль и бомб коллаж.

В блокноте стылом пишет дочь, проститься не успев,
Дорогой Той уходит в ночь, под звезд глухой напев.

Ее блокнот, а в нем стихи, найдут после Войны,
Спешащий почерк, слез штрихи, но букв ряды стройны.

Струной прощальной стих поет и жизнь всего одна
«Но горе выпито мое, до капельки, до дна».

Когда земля вокруг в крови, не задавай вопрос,
Ответ Победой назови, Днем Радости и Слез.

А горы в трауре, как Мать, чей силуэт в ночи,
Победы радость, слез печать, дрожащий свет свечи...

НА ФОНЕ ГОР СЕДЫХ

ИЗ ТЕТРАДИ «АБХАЗСКАЯ ПАСТОРАЛЬ»

Над ущельем туман. Осень, красный закат
Цветом спорит со спелой хурмой.
Вдаль уходит холмов темно-синий каскад,
С мандариново-желтой каймой.

В чанах ждет виноград, золотой, как янтарь,
Аромат над садами хмельной,
А густое вино, с песней давят, как встарь,
О, Джаджá, славим дар твой святой!

Завершилась страда и грядет Благодать,
Время свадеб и девичьих чар.
Не устану, о Небо, и я восхвалять
Чудо осени, первый мачар.

Примечание:

Джаджá - Богиня плодородия в абхазской мифологии.

Мачар (амачар) - молодое вино

Киновари мазок осторожный
Тихо тает над синей грядой.
Время красок осенних, тревожных,
Разговоров с холодной звездой.

Время частых потерь, расставаний,
Одиночества в звездной глуши,
Разрушительных самокопаний,
Тайных мыслей, томлений души,

Штормового прибоя ворчанье,
Продуваемый ветром перрон,
Крики чаек, как чье-то стенанье
Над цветами чужих похорон.

Желтый дом с покосившимся шпилем,
Долгих серых дождей пелена,
И пишу я возвышенным стилем
О любви, что как мост, сожжена.

Спустился с гор седых туман, в нем растворился лунный свет,
Безумство тьмы, теней батман, живу надеждой на рассвет.

Слезы горячей долог путь, щеку осою жалит он,
Молю я прошлое вернуть, но глух и черен небосклон.

Дробит слеза реальность снов, не распознать теперь обман,
Объятья ведьм и колдунов, пьянящий сладостный дурман.

Легко пропасть в такую ночь, со Смертью закрутив роман.
Уплыть от дней жестоких прочь, подальше, в призрачный туман.

Струятся воды, как оникс, холодной черною змеей,
И не согреет душу Стикс, не снизойдет за ним покой.

Тревоги, страхи, темноту прогонит прочь свечи огонь,
И славя света доброту, воск, плавясь, каплет на ладонь.

Группа альпинистов из Абхазии - Тенгиз Тарба, Дамей Агрба и Владимир Гулиа покорила 11 января высшую точку американского континента - гору Аконкагуа, и установила на ее вершине государственный флаг Республики Абхазия.

ОТВАЖНЫМ ПОКОРИТЕЛЯМ АКОНКАГУА!

Снегов чужих, слепящих, даль,
Вершин суповых кружева.
И тучи серые, как сталь,
А выше - неба синева.

Внизу, под нами - Аргентина,
Леса и океана гладь,
И горы, чудная картина.
И танцев пламенная стать.

Но это все внизу. Забудем.
В виски стучится, как набат -
Мы на вершине будем, будем!
Еще немного! Руку, брат!

Стальные кошки крошат камень.
И вроде улеглась метель.
И солнца луч блеснул, как пламень,
Вершина, парень! Наша цель!!!

Шуршит в замерзших пальцах ткань,
Очки скрывают наши слезы.
О чудо, тянем к длани длани,
Сбылись мальчишеские грезы!!!

Теперь пускай пройдут века.
Сжимаю крепко свой кулак!
И виден всем издалека
Зелено-бело-красный флаг

АККОРДЫ ТЕМНОЙ СТРУНЫ

Аллеей темной сквозь ажур беседки
Пробравшись в мир рассветных сновидений
Я словно соткан из былых сомнений,
Как визави трагической рулетки.

Играю снова я, Судьба-орлянка,
Зависим от игры, щелчка металла.
В зрачках кровавой веткою коралла
Окрашена вся жизнь моя, беглянка.

Откуда шел, пришел куда? Не знаю
Провис мой парус, сломан компас медный
И отчий дом уже как плод запретный,
Как след фантома лишь воспринимаю.

И даже здесь, за хрупкой тонкой гранью,
Во сне, душа покой не обретает,
В тоннелях темных, как свеча сгорает,
Чтоб возродиться вновь небесной тканью.

Спустил курок. И снова передышка,
Затишье и вращенье барабана.
Трагические игрища ль нагана,
Или Судьбы безжалостной насмешка?

И вновь в поту холодном просыпаюсь,
Виденья ночи в муках вспоминаю,
Раба в себе и труса распинаю,
И очищаясь, каюсь, каюсь...

Октябрь 2013

Снов уютных, предрассветных
Закружила карусель.
Лиц и образов заветных,
Чувств былых игривый хмель.

Там, над улицей тенистой,
Будто птица я лечу.
Солнца нитью золотистой,
Парус прикрепив к плечу.

Спорит с золотом Светила
Темно-синий моря цвет,
Нежных облаков белила
Как волшебный амулет.

Треплет кудри ветер пряный,
Скоро ночи звездопад
И закат мазком багряным
Красит землю невпад.

Знаю, сон к концу стремится.
А проснувшись, без ветрил
В землю теплую вонзится
Тот, кто небо покорил.

❖❖❖

Подсвечник медный, вечер, свечи. За окнами метели пенье,
Мохнатый плед укутал плечи, к стихам неясное влечение.

Печаль наполнила глаза, воск медленно, покорно тает,
Как запоздалая слеза, на медь подсвечника стекает.

Танцуют тени свой балет, как в тусклом зеркале старинном,
Ее увижу силуэт, в венчальном платье, белом, длинном.

Забуду я про седину, отброшу плед, и в черном фраке,
Свои колени преклоню в зеркал холодном полумраке.

И роем гаснущих свечей нас старый вальс-бостон закрутит,
Безумства жарких тех ночей, давно забытых, вдруг пробудит

И вспомню я, склонив главу, аккорды музыки прекрасной,
Тот город, вальс, как наяву закат вдали кроваво-красный.

И снова как в прекрасном сне, как в фильме старом мы кружимся
Щека к щеке, в зеркальной мгле, лишь пробуждения боимся.

Курантов звон, окончен бал, сгорели и погасли свечи,
Цветка бутон с руки упал, уйду за Грань, к тебе, до встречи.

И там, где Вечный вальс звучит, где свет живой в стекле играет,
Тревога, что в душе лежит, как пряный воск, сгорев, растает.

ЛАУРЕ

Во сне, кудрявый, как Давид,
Повергши льва, шагнул под арку,
И превратился вмиг в Петрарку,
Пахучим лавром весь обвит.

В Тоскану сон меня влечет,
И пусть вас не смущают слезы,
Что мир реальный мне, что грезы?
Толпы презренье иль почет.

Босые ноги, ветхий плащ,
Во мне легко узнать поэта,
И душу рвут слова сонета,
Далекой арфы тихий плач.

И шепот дальней той струны
Во мне будил воспоминанья,
Беспечной юности метанья
И чувство горькое вины.

Бескрыл, беспомощен поэт
Во власти острых стрел Амура
А эхо вторит мне - Лаура...
И флейта вторит и кларнет

И знаю ли, где явь, где бред,
Владимир я или Франческо,
Мой Alter ego или тезка?
Лаура - звезд холодных свет!

Аллеи сумрачных теней,
Сонетов строчки невпопад.
Порывы ветра, листопад,
И отблеск призрачных огней.

Виолы темная струна
Вдали звучит и душу рвет
Куда-то за собой зовет.
А в небе полная луна.

Отворю я замок позолоченной клетки,
И навеки оставлю распахнутой дверь,
Соберу я на паперти храма монетки,
И с сумою уйду то ли в Клин, то ли в Тверь.

Или старцем босым доберусь до Валдая
В чистых водах озер свою душу омою,
В отражении Иверском тайну познаю,
И умру Просветленным. И птицею взмою.

Ночь несет на крыле волшебство,
Синий конь с нетерпением хранил,
Бьет копытом, искрится гранит,
Новый год, как всегда, торжество!

Новый год исполняет мечты,
Звезды лучи, как посланцы планет,
И читает нам звездный сонет,
Ангел в белом, прекрасный, как ты.

Ангел в белом, смиренно молю,
Ночью звездной пошли благодать,
Чтоб и я смог сонеты слагать
Той, кого беззаветно люблю.

Той, снежинке, придуманной мной
Между явью и радостным сном,
Что растает над ярким костром
И взойдет в черном небе звездой.

Декабрь 2013

ДИАНЕ, В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Я счищу, как старую краску, печаль
С ночного левкаса души.
И светлых мазков мастихинная даль
Аккордом взорвется в тиши.

И в дали реальной, под небом иным,
Над морем ворчливым паря,
Мелодией дальней, курьером ночным,
Разбудит внезапно тебя.

5 января 2014

И НЕМНОГО СОЛНЦА В ХОЛОДНОЙ ВОДЕ

Звонким утром осеннее Солнце
Встало, в чистых прудах отражаясь,
Щедрым золотом, с летом прощаясь,
День окрасило ярким багрянцем.

В синем небе ребенком резвилось,
Осыпая листву как дублоны,
Смехом осени руша кордоны,
В вальсе Белом, слепящем, кружилось.

И душа, в этом сказочном танце,
То взлетала, то страстно шептала,
Листьев золото в косы вплетала,
Нежась в ярком, сверкающем глянце.

Но опомнилась к ночи природа,
Небо тучами вновь затянула,
Ветром злым с улиц золото сдула.
Здравствуй осень, твоё время года.

ДИВНЫЕ НОЧИ В АМСТЕРДАМЕ (ИЗ ПЕСНИ СОВЕТСКИХ ВРЕМЕН).

Через зеркальное стекло
Нагих я вижу куртизанок,
Гетерофилюк, лесбиянок,
Бесплатно, вот уж повезло

А у моста сидит толстяк
В клювастой карнавальной маске,
Еще один в рогатой каске,
И испражняются. Пустяк.

Каналы с черною водой,
Домов унылых мутный абрис
Знакомый запах. Ой, каннабис!
Девица с бритой головой.

А я, как тезка мой былой,
Сжимаю в страхе паспорт красный,
Мечтаю, юноша несчастный,
В Москву, в Москву, скорей домой!!!

Теперь, уверен, клятву дам:
Не ездить больше в Амстердам!

ДЕЛБА ВЛАДИМИР МИХАЙЛОВИЧ

Прозаик, поэт, эссеист.
Родился в 1946 г. в Абхазии.

В 1970 г. закончил художественный факультет Московского Технологического института.

Член Союза художников СССР, Союза художников Абхазии, Международной федерации художников ЮНЕСКО.

В 1970-1985 г.г. сотрудничал с рядом книжных и журнальных издательств Москвы в качестве художника-иллюстратора.
(«Смена», «Советский экран», «Совет лэнд», «Работница» и др.)

Публикуется в различных периодических изданиях:

*литературный альманах «СЛОВЕСНОСТЬ»,
газета «ЛИТЕРАТУРНЫЕ ИЗВЕСТИЯ»,
газета «ПОЭТОГРАД»,
журнал «ФлоридаРУС» (США),
журнал «ИСКУССТВО АБХАЗИИ»,
газета «ЭХО АБХАЗИИ»,
сборник «КИНОСЦЕНАРИИ».*

В 2012 году в Москве издан сборник рассказов - «СУХУМСКИЙ СТЕРЕОСКОП».

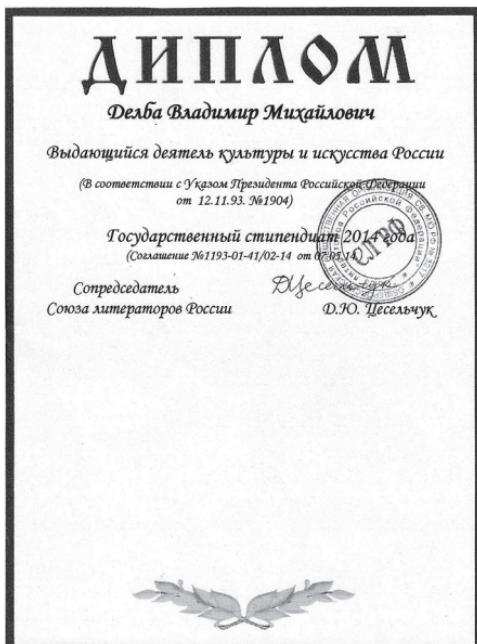
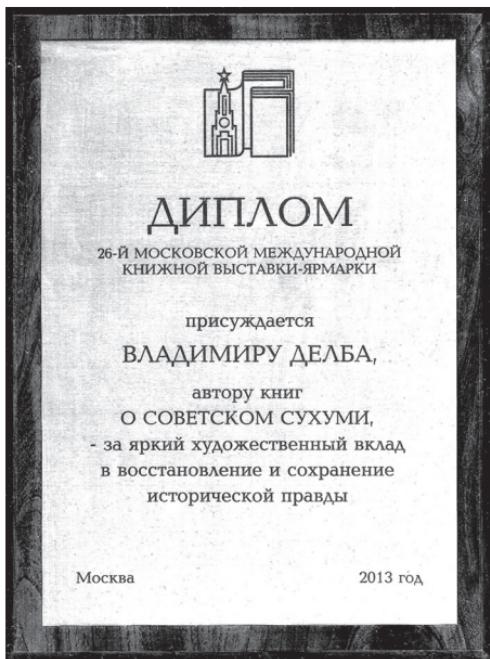
В 2013 году в Москве издана книга - «АМРА, ГАЛЕОН ЮНОСТИ МОЕЙ».

Член Союза литераторов России, Союза писателей ХХI века.

Дипломант 26-й Московской международной книжной выставки-ярмарки 2013 г.

Государственный стипендиат 2014 г. в номинации «Выдающийся деятель культуры и искусства России».

Живёт в Москве.

ВЛАДИМИРУ ДЕЛБА

Дружище, лучшего подарка,
Признаться, я не ожидал.
Тут и Мачадо, и Петрарка,
И Байрон лёгкой тенью встал.
То нашей юности кумиры,
Далёкий розовый туман:
Лауры, Биче и Земфиры,
И Чайльд-Гарольд, и Дон-Жуан...
Когда бы мы не поседели
В тенетах жизненных невзгод,
Как знать, и мы б сонеты пели
Не про закат, а про восход.
Но в нашей бытности реальной
Давно реальных нет страстей,
И от любови виртуальной
Плодятся ведьмы всех мастей.
И мы, циничные, как черти,
Всё заповедное поправ,
Вступаем с ними в пляску смерти,
От жизни и себя устав...
Спасибо, милый, за посланье.
Мне вспомнить помогло оно
И сладкой юности преданье,
И жизни горькое вино.

Виктор Злобин.
*Ветеран отечественной журналистики,
Публицист, Поэт.*

СОДЕРЖАНИЕ

Вводный текст	3
«Редута», 68 (<i>фрагмент из книги</i>)	5
«Время джаза» на верхней палубе (<i>фрагмент из книги</i>)	18
Геометрия духа (<i>эссе</i>)	25
«Камертон». Измерение синего (<i>сборник стихов</i>)	41

В ОФОРМЛЕНИИ КНИГИ ИСПОЛЬЗОВАНЫ КАРТИНЫ ДИАНЫ ВОУБА:

1. Из серии «ABKHAZIA:NEW_GENERATION», (х. м., 100x100 см, 2008 г.)
2. Динамическая симметрия №8, (х. м., 130x130 см, 2010 г.)
3. Из серии «Океан. Город», (б. м., 165x70, 2005 г.)
4. Герман Виноградов. Из серии «Современники», (х. м., 75x75 см, 2011 г.)
5. Из серии «Путешествие в 'Страну души'», (х. м., 150x105 см, 2014 г.)

СОЮЗ ЛИТЕРАТОРОВ РОССИИ
Библиотека альманаха «СЛОВЕСНОСТЬ»

Владимир Михайлович Делба

Тетрис: синестезия в стиле
стакатто-джаз

Книжная серия «Визитная карточка литератора»

Редактор — Евгений Степанов
Компьютерная вёрстка — Марина Кива

Бумага офсетная
Гарнитура Officina, Calibri
Тираж 100 экземпляров.
Сдано в набор 03.08.2014
Подписано в печать 27.08.2014

Издательство и типография
«Вест-Консалтинг»
109378, г. Москва, Есенинский бульвар,
д. 1/26, корп. 1, офис 34.
Тел. (495) 978-62-75